

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

УДК 81'36

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.185

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА С. КИНГА «МОЙ МИЛЫЙ ПОНИ»)

Н.А. Ашихманова

Гимназия № 5, г. Волгоград

Рассматриваются формы метафорического осмысления субъективного времени в рассказе современного американского писателя Стивена Кинга «Мой милый пони». Время сравнивается с маленьким своевольным животным, над которым человек должен держать контроль. В диалоге старика с внуком прослеживаются следующие характеристики субъективно переживаемого времени: текучесть, судьбоносность, необратимость, неподконтрольность и неумолимость. Дед формулирует смысложизненные ориентиры, которых должен придерживаться его маленький собеседник, в виде житейских метафорически выраженных инструкций. Общий вывод, вытекающий из повествования, сводится к призыву воспринимать отведенное нам время как подарок.

Ключевые слова: субъективное время, Стивен Кинг, образ, метафора, нарратив.

Время как один из важнейших параметров бытия неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [2; 5; 7; 8; 2; 6; 3]. В культурологии противопоставляются время субъективное и объективное, циклическое и линейное, проспективное и ретроспективное. Объективное время представляет собой отсчет событий и явлений, происходящий независимо от человека, субъективное время обычно рассматривается как акцентирование неоднородности движения событий на условной шкале изменений действительности. Циклическое время определяет календарный ход природных явлений, сменяющих друг друга (времена года), линейное время характеризует движение из прошлого в будущее. Проспективное время относится к смене событий в их естественном развитии, ретроспективное время – это мысленное возвращение к началу с конца.

В художественной литературе описание времени выполняет важную функцию характеристики персонажей. В этом плане представляет интерес осмысление времени как ключевой элемент художественного нарратива. Предполагается, что метафорическое обозначение времени в художественном тексте является ключом к пониманию авторской системы ценностей. В качестве материала для анализа используется рассказ известного современного американского писателя Стивена Кинга (род. в 1947 г.) «Мой милый пони» (“My pretty pony”, пер. В.А. Вебера).

Рассказ был написан в 1988 году, и в 1993 вошел в сборник под названием «Ночные кошмары и фантастические видения». Это повествование стоит особняком от привычных тем писателя, известного как сочинитель ужасов. В рассказе никто не пропадает и никого не убивают, это диалог между

внуком и дедом, включающий в себя размышления пожилого человека о жизни и времени. Старику, находящемуся на пороге смерти, хочется объяснить своему маленькому собеседнику, только вступающему в жизнь, природу времени, его субъективность. Сравнение хода времени, которое течет по-своему для каждого человека, с маленьким пони является своеобразным авторским метафорическим ходом, на основе которого строится все произведение, и смысловая глубина которого позволяет отнести данный нарратив к разряду философских притч.

Сюжет этого небольшого художественно-философского произведения, события которого разворачиваются в Северной Америке, достаточно незатейлив. Тяжело больной старик наблюдает за игрой детей, в которой участвует его внук. Дети играют в прятки. Внук главного персонажа, одиннадцатилетний мальчик, не успевает спрятаться, и другие дети смеются над ним. Старик замечает, что тот, кто отсчитывал время, обманул других игроков, ускорив отсчет секунд. Дед и внук беседуют друг с другом, и старик объясняет мальчику, как нужно воспринимать реальность. Суть этого восприятия сводится к особенностям ощущения времени в разные жизненные периоды человека: в детстве время тянется долго, в юности и зрелости оно набирает естественный темп, а в старости движется с ускорением. Исключением из этого порядка вещей является время страданий и болезней, которое мучительно тянется. Старик находит очень ёмкий образ для воплощения времени – пони, маленькая лошадка, которая определяет скорость жизни человека. Он замечает, что сердце у этого пони злое. Говоря с внуком, дед делает тому подарок – старинные карманные часы. Мальчик не вполне понимает своего деда, но тот говорит, что инструкция не равна пониманию, т.е. важно почувствовать, то, что сказано. В рассказе говорится, что эта встреча у героев повествования была последней.

Для понимания идеи этого произведения необходимо обратить внимание на те условия, которые побудили старика поговорить с внуком. Дед понимает, что после двух инфарктов его дни сочтены. Ему горько видеть, что внука обманывают. Вместе с тем старик в полной мере осознает, что возможность побыть вместе со своим любимым внуком – это подарок:

Иногда мне кажется, что я должен выкрасть тебя у твоих родителей и держать при себе. Иногда я думаю, если ты будешь рядом большую часть времени, я буду жить вечно, пусть и с больным сердцем (с.7).

По-видимому, основная причина такого особого отношения деда к этому внуку (у него их 16) состоит в особой искренности мальчика. Заметим, что и у мальчика в его семье нет близких людей, которые бы стремились установить с ним по-настоящему родственные отношения: отец поглощен чтением книг, мать постоянно смотрит телевизор с бокалом вина в руке, старшая сестра испытывает проблемы переходного возраста.

Сюжетная линия в развитии отношений между дедом и внуком строится на основе их беседы. Благоговение мальчика перед дедом, как человеком, несущим в себе истину в последней инстанции, проявляется в почтительно-сдержанной манере общения ребенка со стариком и отмечено тем фактом, что в словах дедушки, по мнению мальчика, всегда присутствует здравый смысл.

Клайв молчал, пристально всматриваясь в деда.

– Есть три вида времени, и хотя все они реальны, действительно

реально только одно. Ты должен знать их все и всегда уметь различать. Ты это понимаешь?

– Нет, сэр.

Дедушка кивнул.

– Если бы ты ответил: «Да, сэр», – я бы врезал тебе по заднице, и мы пошли бы домой.

Клайв смотрел на растоптанные, присыпанные землей остатки сигареты, его лицо заливала краска гордости (Там же).

По сути, философские вопросы, которые ставит перед мальчиком дедушка, он задает самому себе и только проверяет при этом реакцию внука на них. Ребенок не старается казаться умнее в разговоре с человеком, который намного старше и мудрее его, а ведет себя по-детски непосредственно, что очень импонирует деду.

Внутреннее взросление мальчика проявляется в факторе нарастания его беспокойства за состояние здоровья деда, который перенес два инфаркта, и сердце которого бьется как «листок бумаги, угодивший под лопасти вентилятора», а также в нарушении дедом запрета на курение. Мальчик при этом оказывается невольным «соучастником заговора» по выкуриванию дедушкой сигарет втайне от бабушки.

Дедушка полез в нагрудный карман комбинезона и достал мятую пачку сигарет «Кул», без фильтра. Судя по всему, несмотря на большое сердце, дедушка не бросил курить. Однако, по разумению мальчика, сильно ограничил себя, потому что состояние пачки говорило о том, что в кармане она обосновалась довольно давно, избежав судьбы многих других пачек, которые распечатывают после завтрака, а в три часа дня уже сминают в комок и выбрасывают. Дедушка вытащил сигарету, тоже повидавшую виды, как и пачка, сунул в уголок рта, вернул пачку в карман, достал деревянную спичку, ловко зажег, чиркнув о пожелтевший стариковский ноготь на большом пальце. Клайв зачарованно наблюдал за этим действием, как ребенок наблюдает за фокусником, в пустой руке которого внезапно оказывается колода карт. Любопытно, конечно, видеть, как спичка загорается, приложившись к ногтю, но куда больше Клайва заинтересовало другое: спичка не погасла.

Несмотря на сильный ветер, который дул с холма, дедушка, сложив ладони шалашиком, без труда уберег маленький огонек. Прикурил, а потом еще потрянул спичку, хотя ветер загасил бы ее и без его помощи. Клайв пристально всматривался в сигарету и не находил на белой бумаге следов копоти. Значит, глаза не обманули его: дедушка прикуривал от ровного пламени, которое не раскачивалось ветром, словно от свечи в закрытой комнате. Конечно, без волшебства тут не обошлось (с. 5).

Акцент на потрепанности упаковки при описании пачки дедушкиных сигарет (*достал мятую пачку сигарет «Кул», без фильтра; вытащил сигарету, тоже повидавшую виды, как и пачка*) способствует удачной передаче автором состояния внутреннего смятения главного героя при попытке им нарушить запрет на курение, связанный с риском для его жизни. Описания церемонии зажигания спички необычным образом, «от ногтя», а также прикуривания сигареты от ровного пламени спички при сильном ветре (дедушка сложил ладони «шалашиком», прикрывая таким образом зажженную спичку от ветра)

создают должным образом ореол загадочности вокруг главного персонажа и наделяют его фигуру мистическим смыслом в глазах его юного подопечного (сигарета оказывается тем предметом из мира материальных вещей, который мальчик видит последним в руках бабушки при его жизни).

Бабушка опять достал из нагрудного кармана пачку сигарет, на этот раз осторожно выудил сигарету, не последнюю в его жизни, но последнюю, которую видел мальчик в его руках. Убрал пачку в карман, закурил с той же легкостью, что и предыдущую. Он не игнорировал дующий с холмов ветер; каким-то образом он убеждал ветер не мешать ему прикуривать.

– Когда это происходит, бабушка?

– Точно сказать не могу, потому что происходит это не сразу. – Бабушка смочил головку спички слюной. – Быстрое время подкрадывается, как кот, охотящийся на воробья. Наконец, ты замечаешь, что оно пришло. А когда замечаешь, тебе кажется, что это несправедливо.

– А когда это происходит? Что ты замечаешь?

Бабушка сбросил пепел, не вынимая сигареты из рта. Легким таким щелчком. Звук этот навсегда остался в памяти мальчика (с. 10).

Ритуал раскуривания сигареты при разговоре с мальчиком является для деда своеобразным способом придать его общению с внуком более неформальный характер. Образ деда сохраняется в памяти мальчика благодаря и этой детали, связанной с определенной привычкой в поведении близкого ему человека.

Уязвимость физического состояния бабушки (по словам мальчика, *бабушка выглядел уже старше Господа Бога, то есть ему было года семьдесят два*) соотносится в размышлениях маленького героя с хрупкостью часового механизма (сам бабушка называет свое сердце «*тикалкой*»). Из своего еще небогатого жизненного опыта мальчик знает, что «*у часов, как и у людей*» есть «*привычка в какой-то момент останавливаться*» (с. 4). Клайв опасается за то, что и его бабушка «*остановится*», наподобие серебряных карманных часов на длинной цепочке, которые дед дарит внуку во время их разговора в *Западном яблоневом саду* за месяц до своей смерти. Часы становятся символом безостановочного движения времени, прервать которое может только экстренный случай их поломки или внезапный уход из жизни их обладателя. В тексте рассказа эта идея передается через внутренний монолог ребенка о сделанном ему бабушкой подарке: «*Часы принадлежали ему, навсегда ... по крайней мере до тех пор, пока кто-то из них не остановится, да так, что ремонт не поможет и его придется выбросить*» (там же).

Старику довелось пережить немало горестей в его жизни. Его сын погиб в автомобильной катастрофе. Важным является его признание о том, что такие события нарушают естественную линию жизни. Он не может точно вспомнить, сломал ли он руку до этой трагедии или после нее:

Ты помнишь многие события, но теряешь их местонахождение во времени. К примеру, я мог бы поклясться, что сломал руку после того, как мой сын Билли в пятьдесят восьмом погиб в автоаварии. Такое горе (с. 12).

В субъективном времени события располагаются не в линейной последовательности.

Обратим внимание на сравнение времени с мошенниками-напёрсточниками:

– Понимаешь, память-то остается. Чем-то это похоже на тех парней, которые сидят в Нью-Йорке на уличных углах с тремя наперстками и шариком под одним из них. Они уверяют тебя, что ты не сможешь указать, под каким наперстком шарик, ты убежден в обратном, но руки у них такие быстрые, что они всякий раз обдуривают тебя. Ты не успеваешь за ними следовать. И ничего не можешь с этим поделать (с. 13).

Субъективное время обманчиво. Неподконтрольность времени метафорически выражена в следующем сравнении:

– Мне вот кажется, что весна началась только вчера, а ведь завтра, если ветер не успокоится, облетит весь яблоневый цвет. Когда все происходит так быстро, человек не может логично мыслить. Человек не может сказать времени: «Постой минутку-другую, я соберусь с мыслями». Оно его не услышит. Все равно что едешь в автомобиле без водителя. Так что ты из этого понял, Клайви? (Там же).

Пластичность времени передается в тексте рассказа неоднократным авторским сопоставлением его с маленькой лошадкой пони:

Он видел, что утром дедушка наблюдал за их игрой.

Наблюдал за ним.

Дедушка сидел в кресле-качалке у входа в амбар. Одна из половиц поскрипывала всякий раз, когда полозья качалки попадали на нее. Книга лежала у дедушки на коленях, он сложил на ней руки и качался, окруженный ароматами сена, яблок и сидра. Именно эта игра и заставила дедушку проинструктировать Клайва Бэннинга насчет времени. Сказать, какое оно текучее, как человеку приходится бороться за то, чтобы хоть на чуть-чуть удержать его в руках. Пони очень милый, но у него злое сердце. Если не приглядывать за милым пони, он сиганет через забор, убежит, и тебе придется гнаться за ним, а дело это утомительное и может измотать донельзя (С. 3).

Использование автором несобственно-прямой речи выступает в данном текстовом фрагменте способом передачи конспективно усвоенных знаний, полученных мальчиком в результате «инструктажа», который провел с ним его дедушка. Время в образе «милого пони со злобным сердцем» становится еще одним персонажем, продвигающим фабульное развитие событий в ходе литературного повествования, благодаря использованию писателем приема метафорического олицетворения.

Время сравнивается с судьбой, повлиять на которую невозможно. Но вместе с тем, старик говорит, что нужно относиться к своей судьбе как к подарку:

За последние два года у меня было два инфаркта, и никто не удивится больше меня, если я проживу еще два года без третьего. Но для человечества смерть не в диковинку. Я же хочу сказать следующее, старый или молодой, в быстром времени или долгом, ты можешь шагать по прямой, если будешь помнить о пони. Потому что, если считать и между каждыми цифрами говорить: «Мой милый пони», – время будет не чем иным, как только временем. Если ты это делаешь, значит, пони стоит в стойле. Ты не можешь считать все время – в Божий замысел это не входит. Я скоро уйду, и этот сладкоголосый Чэдбэнд произнесет над моей могилой какие-то слова, но ты должен запомнить главное: время тебе не принадлежит. Наоборот, ты

принадлежишь времени. Оно бежит вне тебя, с одной и той же скоростью, каждую секунду каждого дня. Ему нет до тебя никакого дела, ему без разницы, есть ли у тебя милый пони. Но, если милый пони у тебя есть, Клайви, ты точно знаешь, какое время реальное ... (с. 13–14).

Сравнение неумолимого, необратимого и безостановочного хода времени с милым, но злым пони является в приведенном тексте авторским стилистическим ходом, призванным создать в воображении читателя образ небольшого по размерам животного, идущего размеренной поступью и поддающегося дрессировке. Акцентируется иллюзорная попытка человека управлять своим биологическим временем как сроком, отведенным ему на жизнь.

Герой предостерегает своего любимого внука от упрощенного и ошибочного понимания времени: *«Запомни, Клайви, время не имеет ничего общего с умением быстро считать».*

Рассказ содержит важные жизненные наблюдения, которые произносит старик:

– Я давно уже перестал давать советы. Лет тридцать назад, а то и больше. Перестал, когда понял, что только дураки их дают и только дураки ими пользуются.

Инструкция... инструкция – это другое дело. Умный человек может время от времени учить других, и умный человек, или мальчик, может время от времени чему-то учиться (с. 7).

Принято считать, что старики должны давать советы и часто любят это делать. Вместе с тем мы знаем, что слушающие обычно игнорируют такие советы. Дед находит интересное обозначение для своего воздействия на внука, называя свое послание инструкцией. Это авторское осмысление данного слова. Инструкция – это руководящие указания, наставления; свод правил. Обычно имеются в виду конкретные правила выполнения тех или иных задач. В речи старика это слово приобретает высокую значимость – жизненные ориентиры для поведения. Мы понимаем, что важнейшие установки должны быть сказаны так, чтобы слушающий их запомнил:

«Понимание и инструкция – близкие родственники, которые не подают друг другу руки» (с. 14).

Мальчик внимательно слушает деда.

В тексте повествования важным является эпизод, описывающий страдания друга старика, этот человек мучительно умирал от онкологического заболевания. И дед с горечью произносит слова о жестокости Всевышнего. Мальчик с ужасом ждёт небесной кары за эти слова, но ее нет:

Клайв ждал, с замершим от ужаса сердцем, и лишь когда где-то рядом запела малиновка (словно с губ бабушки и не срывались эти ужасные слова), он понял, что молнии не будет. И в этот самый момент в жизни Клайва Бэннинга произошла маленькая, но фундаментальная перемена. Ненаказанное богохульство бабушки не превратило его в преступника, или плохиша, или даже в «проблемного ребенка» (этот термин только недавно ввели в оборот). Однако устои веры в голове Клайва пошатнулись, другим стало и отношение к словам бабушки. Раньше он просто слушал старика. Теперь – внимал (с. 9).

Этот текстовый фрагмент в полной мере выражает авторскую позицию по отношению к важнейшим ориентирам поведения человека: следует знать, что с каждым может случиться страшная беда, но нужно найти в себе силы принять это. Финальные строки рассказа исполнены оптимизма:

- Тогда что же такое инструкция?
– Запоминание, – отчеканил дедушка. – Ты сможешь запомнить все, что я говорил тебе про пони?
– Да, сэр.
– Как его зовут?
Мальчик задумался.
– Время... наверное.
...– Хорошо. Какого он цвета?
Мальчик думал дольше.
– Я не знаю.
– Я тоже. – Старик убрал руку с его плеч. – Я не знаю, есть ли у него цвет, да это и не важно. А что важно, ты узнаешь?
– Да, сэр, – без запинки ответил мальчик. И глаза его блеснули.
– Как?
– Он будет милым, – с абсолютной уверенностью ответил мальчик.
Дедушка улыбнулся.
– Именно так! Клайви, ты прошел инструктаж и стал мудрее, а я... счастливее. Хочешь кусок персикового пирога?
– Да, сэр!
– Тогда что мы тут делаем? Пошли к бабушке.
И они пошли.

Клайв Бэннинг не забыл, как его зовут (время), какого он цвета (никакого), как выглядит (не уродливый и не красивый... просто милый). Не забыл он и характера (злое сердце), и тех слов, которые произнес дедушка по пути домой, так тихо, что их едва не унесло ветром: «Лучше иметь пони, чтобы ездить на нем, чем не иметь его вовсе, независимо от того, какое у него сердце» (с. 15).

Мальчик понял главное: нужно воспринимать отведенное нам время как подарок. Этот текст по своей сути выражает одну из главных молитв, которую может произнести человек, - молитву благодарности. Заметим, что старик признается, что стал счастливее. Он смог передать своему любимому внуку главную жизненную установку. Стивен Кинг сообщает читателю метафорически выраженную идею о том, что нельзя отказываться от диалога с Создателем (мы понимаем, что многие поступают именно так, не задумываясь о смысле жизни).

Таким образом, субъективное время как акцентирование неоднородности движения событий на условной шкале изменения действительности находит свое выражение в тексте данного нарратива в виде образного сравнения этой философской категории с маленьким, но злым пони. Авторский прием метафорического олицетворения позволяет выделить на основе анализа такие характеристики этой внесубстанциальной формы, как текучесть, судьбоносность, необратимость, неподконтрольность и неумолимость.

Список литературы

1. Ашихманова Н.А. Пластичность художественного времени: сюжетобразующие приемы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 2. С. 214–217.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234–407.
3. Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. Москва: Гнозис, 2021. 536 с.
4. Кинг С. Мой милый пони (пер. В.А. Вебера) // Кинг С. Сезон дождя. АСТ, Москва 2000. С. 1–15.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебник для студентов филологических специальностей. 3-е изд., испр. Одесса: Латстар, 2002. 292 с.
6. Попова Н.С. Художественная субъективно-образная интерпретация времени: монография. Воронеж: Воронежский гос. лесотехнический ун-т им. Г. Ф. Морозова, 2018. 215 с.
7. Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
8. Широкова Е.Н. Текстовая категория «художественное время»: монография. Нижний Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2012. 96 с.

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF SUBJECTIVE TIME (ON “MY PRETTY PONY” BY S. KING)

N.A. Ashikhmanova

Gymnasium N5, Volgograd, Russia

The paper deals with conceptualization of subjective time in the story “My pretty pony” by a modern American writer Stephen King. Time is compared with a small self-willed animal to be controlled. In the dialogue of an old man and his grandson we can see the following features of subjective time: fluidity, fatefulness, inconvertibility, uncontrollability, implacability. The granddad formulates philosophical principles his grandson must follow in the form of earthbound metaphorical instructions. The idea of the narrative may be interpreted as the appeal to perceive time given to us as a gift.

Keywords: *subjective time, Stephen King, image, metaphor, narrative.*

Об авторе:

АШИХМАНОВА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель гимназии №5 г. Волгограда. E-mail: ashih69@mail.ru